

Копипаста:Нерусь — Lurkmore

Макарыч шёл впереди, Сашок старался изо всех сил поспевать за ним след в след, не шуметь, не хрустнуть веточкой, не зацепить от напряжения отяжелевшими ногами палые листья, и мрачно думал - это ж сколько ещё с Макарычем вот так ходить, пока не научусь как он - быстро, бесшумно, уверенно.

а лес уже из осеннего разноцветья стал совсем предзимне-прозрачным, кроны поредели, сквозь них сочилось красноватым тяжёлое холодное небо.

Макарыч замер. Сашок с облегчением припал на колено и за ствол подтянул карабин под заждавшуюся цевья руку.

что слышал Макарыч, что он видел сейчас, какого зверя учуял - Сашок не знал, но Макарыч просто так не станет столбом.

тишина шумела в ушах Сашка взбудораженной кровью.

Макарыч, мослатый, угловатый и широкий как деревенский шифоньер, неожиданно плавно для своей немануфактурной конструкции всем телом без единого звука как-то оплыл в жухлую траву и слился с землёй. Сашок чуть было не забыл о карабине, но тоже вроде как справился. теперь метров с десяти их и видно не было, и запах отбит - карабины обмотаны тряпицами, вываренными по Макарыча методу, горожанам лучше не знать в чём, а то некоторых и стошнить может.

по прогалине впереди взъерошил листву порыв ветра.

теперь и Сашок слышал. но не зверя. впереди лениво покрикивали, рыкнул мотор, что-то завизжало тонко и нехорошо, вроде как и не не зверь вовсе. ветер переменялся и принёс тёплый жирный запах еды и дыма.

Макарыч не шевелился, и Сашок, немного опьянённый запахом еды, решил вопросами не задаваться и ждать.

лежали долго.

пока самые громкие визги, повторявшиеся, но как-то странно, как будто внезапно, не ушли за скрытый выступом леса впереди холм.

Макарыч поднял голову, так, чтобы Сашок заметил, и это был сигнал.

встали и молча неспешно пошли.

за прогалиной прошли низкий шумный орешник и вышли на поляну, где месяца три назад ещё брали белые, ладные такие, крепкие, один в один.

на границе орешника и поляны остановились.

Сашок очумело осматривал знакомую поляну.

кочьями вырванная трава, пятна крови и какие-то яркие непонятные штуковины - всё это было вроде как и случайно разбросано, но отсюда отчётливо видно, что эти следы неизвестно чего уходили с поляны через рощицу туда, к холму, страшной непонятной дорогой.

Макарыч ещё раз замер и Сашок привычно исполнил то, что должен, вылавливая с колена стволом карабина тот кусок леса, куда смотрел Макарыч.

потом Макарыч также быстро мотнул головой и закурил, как будто всё это время держал в зубах свой чинарик, а в руке, наготове, зажигалку.

а раз Макарыч закурил - это сигнал. теперь можно и поговорить. охоты всё равно сегодня не будет.

это чё, Макарыч, а? - всё ещё напряжённо тихо спросил Сашок, подойдя и поправляя карабин за плечом стволом вниз, чтобы мало ли что.

а вот это, Сашок,... - Макарыч выдержал паузу, глубоко затянувшись, - это егорка, Сашок.

в интонации всегда ровного, даже какого-то равнодушного на словах, Макарыча, было что-то такое, на что подмёрзшее на земле тело Сашка отозвалось волной нехорошей знобкой дрожи.

а хреновины эти? - про егорку Сашок слышал, кто же не слышал про егорку-то, но вот эти красные штуковины нелепой формы притягивали взгляд, да ещё и поблёскивали как-то

слизисто даже, Сашок показал на ближнюю к ним, - они что такое?

ааа, Сашок, вот ты себя и выдал - внезапно гыгыкнул Макарыч, - вот же ж нерусь ты такая нерусь... кокошники это. наше всё, Сашок.

Сашок, ни разу ещё не знавший, что Макарыч шутить умеет, обиженно набычился.

ай, Сашок, ты чё, - Макарыч ещё раз гыгыкнул, - у тебя чё, кто-то паспорт спрашивает или залупу показать требует, что не обрезанный?

Макарыч хлопнул Сашка по маскхалатному плечу: а рванём-ка мы, согреемся, а?

та домой уж можно... - понимая, что охоты не будет и всё ещё немного обижаясь, протянул Сашок.

не, малый, не-не-не, рванули, на егорку посмотрим... тут до холма всего ничего, пробежимся, согреемся, а с холма они у нас как на ладони будут. надо тебе на егорку помотреть. да и мне не помешает. чтобы не забывал. - Макарыч внезапно присел, надрезал кусок дёрна, приподнял его, уложил в обнажившуюся землю окурок, сплюнул туда же, прикрыл дёрном и, встав, притоптал.

обида Сашка уже прошла и вернулось всё то же затаённое восхищение - как он нож-то успел... ведь не было только что у него в руке ножа? и тут - раз, и есть. раз - и опять нет. ох, много ещё мне с ним ходить, много...

ну, рванули? - предложил-скомандовал Макарыч, и они побежали, поначалу неспешно, Сашок понимал, что Макарыч даёт ему возможность выправить дыхание, а сам-то может что олень дикий, потом с нарастающим темпом, и от воздуха, от движения по телу разбежалось тепло, и вот уже ноги заработали в оторванном от замедлившегося сознания ритме.

на вершину холма просто взлетели - легко, без усилий и одышки.

недалеко, на пологом склоне холма невооружённым глазом были видны машины, то ли военные, не разобрать какие - вроде тёмно-зелёные, но с яркими надписями на бортах, какие-то люди, и ещё санитарные машины, много, вереница, тянувшаяся в два направления в сторону дальней, километрах в тридцати, трассы.

Макарыч поднял из-за плеча карабин за ствол и припал к прицелу, Сашок повторил за ним.

в глазке прицела разворачивалось странное и непонятное.

сначала Сашок высмотрел вроде как военного - в галифе и фуражке с такой высоченной тульей, какие видел только в советских фильмах про фашистов и сериале "солдаты" по ОРТ.

потом, поведя карабином чуть в сторону, наткнулся взглядом на открытый бортовой грузовик, плотно забитый посиневшими от холода покрытыми пупырышками телами, поначалу Сашку даже показалось что вместо голов у этих тел те самые яркие поблёскивающие кокошники, и только потом рассмотрел сами тела...

ты смотри, не дрожи, - опять гыгыкнул Макарыч, по движению ствола карабина Сашка уже понявший, куда именно он смотрит.

Макарыч, чё это? - Сашок всмотрелся, - это ж... Макарыч, поясни? на что ж там дрожить-то? оно ж дети совсем. ни сисек, ни писек...

девки это, чё, не видно? ну, соплюхи ещё - Макарыч опять гыгыкнул, чтобы он так разошёлся, гыгыкая, Сашок первый раз видел, - ты смотри, смотри, за грузовик смотри, там егорка, увидишь - не забудешь.

Сашок повёл карабином чуть ниже и успел заметить, как с грузовика вытолкнули одно из тел, оно неловко и кукольно упало в траву, попыталось встать и тут к нему метнулось что-то рыже-волосатое, рыхлое, пухлое и тем особо ужасное в сочетании с быстротой.

красный кокошник отлетел в сторону, рыжее навалилось, придавило крохотное под ним тельце, с механической мощностью и безразличностью разбросало в стороны тонкие жалкие совсем детские ножки подмятого, задёргалось ненадолго, выгнулось неожиданно для рыхлости гибко, отскочило в сторону.

к тельцу подбежали санитары и вроде как врач, санитары забросили тельце на носилки, врач бесстыдно заглянул между оставшихся раскинутыми ног, что-то попробовал там рукой в перчатке, махнул, санитары унесли носилки, сорванный кокошник остался валяться.

Сашок искал прицелом рыжее, и тут же нашёл, существо скомкалось одним, более рыже-волосатым концом, в корыто возле странной машины - вроде как танка, в армии Сашок танки видел, вместо башни у которого стояла дымящая обычная большая печь-мазанка.

Макарыч, а это что ещё за...? - спросил Сашок, удивлённо разглядывая нелепую конструкцию.

ааа, - Макарыч опять гыгыкнул, - это айпечь, Сашок, ай-печь.

не, ну я понимаю, что она "ай", - теперь уже и Сашок гыгыкнул, несмотря на ужас происходящего в прицеле, - она ещё и ой, и охуеть, но нахрена она такая вообще?

ты не матерись на охоте - удачи не будет - Макарыч хотел это сказать назидательно, но не вышло, - а, хуй с ним, какая уж тут охота... а айпечь, Сашок, это чтобы гречку запаривать... по-особенному... егорку кормить. смотри как жрёт.

Сашок смотрел с непониманием. рыже-волосатое неинтересно зарывалось одним концом в корыто. Сашок повёл карабином, поймал в кружок санитаров, несущих на носилках уже укрытое казённым одеялом тельце, санитары подали носилки в машину с красным крестом, дверцы захлопнулись и машина, лавируя между остальными ещё стоящими, пошла в сторону трассы.

нихрена не понимаю, - Сашок оторвался от прицела, - ну рыжий этот червяк волосатый, это егорка, стало быть, это понимаю, мне так примерно и рассказывали, а чё там вообще делается - не понимаю.

Сашок, ты чё, читать не умеешь? - к Макарычу вернулось его странное настроение и он опять гыгыкнул, - читай, малый, там всё написано, большими буквами.

Сашок опять поднял карабин и стал высматривать и высмотрел, и вычитал на борту одной машины, удачно повернутой - "НАС ДОЛЖНО БЫТЬ 300 МИЛЛИОНОВ!".

нихера не понимаю, - Сашок устало сел, - дай-ка, Макарыч, твоей отравы, чёта и я курить захотел.

курить вредно, - опять гыгыкнул Макарыч, - но давай посидим, покурим, чё там.

закурили.

продышавшегося бегом Сашка первая же затяжка тяжёлым самосадом обрушила в странно-отрешённое состояние.

Макарыч, ты поясни, чё это вообще? - замедленно борясь с густеющей слюной спросил Сашок.

та чё тут объяснять, - Макарыч смотрел в пустое низкое небо, - демографическая программа, возрождение духовности, возврат к истокам. понятно?

нихуя не понятно - ответил Сашок.

и мне не понятно, - Макарыч необычно для него сплюнул в траву, не заботясь о запахе этой долгой метки, отпугивающем зверя, - но вот так оно, Сашок. набирают девок. чтобы не старше пятнадцати, не младше четырнадцати, чтобы волосни ещё не было... ну, ты понял, и чтобы сиськи ещё не проклюнулись, а то вона у Машки Игнатьевой в тринадцать такие, что из мамкиного лифчика вываливаются, - Макарыч опять гыгыкнул, Сашок тоже улыбнулся, Машка была хоть и сцукухой, но уже такой дерзкой, что её даже отслужившие в армии парни стеснялись, - егорка не хочет их когда они с волоснёй и сиськами... набирают, стало быть, и свозят сюда, в кокошниках, егорка не хочет их если без кокошников, говорят, кокошники эти китайцам заказывают, так дешевле, а экономика должна быть экономной, ну и свозят их куда подальше, направляют егорку, он их етить по-быстрому, девки беременеют, опять же, говорят, всегда беременеют, рожают потом новых нужных нашей стране челоовеков, из которых вырастут всякие Ломоносовы и даже лауреаты... может быть вырастут...

слушай, Макарыч, - Сашок уже справился с первым никотиновым дурманом, - да не вырастут же ж. от волосатого червяка - не вырастут. от людей всяких красивых не всегда вырастают, а уж от этого...

вот, Сашок, как ты думаешь, почему ты со мной ходишь? - вдруг серьёзно спросил Макарыч.

эээ - замялся Сашок, ожидая подвоха.

потому что уважаю я тебя. - Макарыч посмотрел Сашку прямо в глаза - умный ты.

Сашок, совершенно не приученный к похвалам Макарыча, почувствовал, как лицо совершенно постыдно для ходящего с Макарычем заливается краской.

та ладно, ладно, много для тебя слишком на сегодня, - Макарыч опять смотрел в небо, - сиськи-письки эти цыплёночьи, червяки рыжие, пошли-ка домой, спешить не будем, может где ещё груздей наберём, они перед первыми морозами хороши будут...

слушай, Макарыч, последний вопрос - вдруг понял Сашок, что так и не разобрался во всём

этом сложном, - а егорка этот - оно что? оно хоть человек? в прицел не рассмотришь, только шерсть и елда лиловая.

вот это хороший вопрос, Сашок, - Макарыч уже встал и поправлял карабин, - это, Сашок, русский.

бля, Макарыч, я уже ничего не понимаю - Сашок всё же правильно упрятал бычок под дёрн, мало ли, что можно Макарычу, - а мы-то тогда кто?

а мы, Сашок, с тобой, - нерусь. самая что ни на есть. - Макарыч отвечал не оборачиваясь, уже как обычно бесшумно уходя.

Сашок сразу уловил ритм его шагов и привычно пошёл след в след, стараясь не шуметь, хоть в этом и не было нужды.

Читать ещё

- [Матан](#)